

32 с
В-26

ГЕННАДИЙ БОЧАРОВ

НЕПОБЕЖДЕННЫЙ

320

Б 86

ор 927

ор 46.3-6

ГЕННАДИЙ
БОЧАРОВ

НЕПОБЕЖДЕННЫЙ

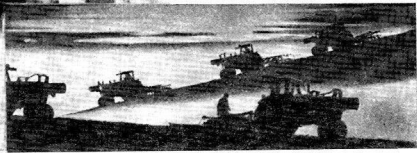
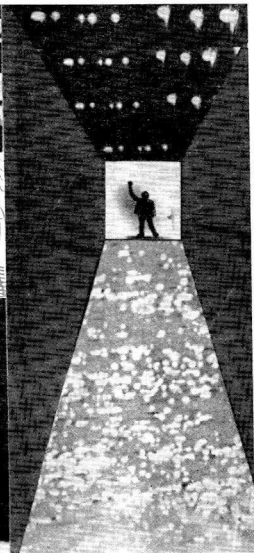
МОСКВА
«МОЛОДАЯ ГВАРДИЯ»
1978

70

2

V

ОБЛАСТНАЯ ОБЛАСТНАЯ
МОСКОВСКО-ВЕНЕЦЬЯНСКАЯ

В село Сакмару я приехал, чтобы рассказать о Григории Чердинцеве и увидеть людей, с которыми он вырос и теперь живет рядом и работает. Вначале встретился с его отцом Василием Макаровичем Чердинцевым, был у него дома. Мы разговаривали о сыне, о весенних делах. Василий Макарович оделся по-домашнему, но пиджак для майских торжеств был готов и сверкал наградами. Золотая Звезда Героя Социалистического Труда, орден Ленина, орден Трудового Красного Знамени, орден Октябрю-

Но в поле попал значительно раньше многих своих ровесников — тут нет границ «положенного». Тут как у кого сложится. Хочу только подчеркнуть: наверное, в жизни будущего мужчины нет более важного момента, чем раннее знакомство с главным делом отца. И с делом вообще.

Василий Макарович взял Гришу на комбайн по первой просьбе сына. Прошло, конечно, несколько августов и сентябрей, прежде чем Чердинцев-старший, приспособив на комбайне рядом со своим сиденьем второе, дал

ПРИЗ ИМЕНИ ОТЦА

ской Революции, другие знаки отличия... Я знал о Чердинцеве-старшем основное — кто он. Василий Макарович — местный житель. Он — комбайнер. Великий комбайнер — если слово «великий» мне позволят позаимствовать из привычных фраз о великих танцорах, певцах или художниках.

Его сын, Григорий Чердинцев, тоже комбайнер. Оба они — отец и сын — работают в колхозе «Рассвет». Ситуация, которая сложилась между ними, положение, в котором они оказались на виду у села Сакмара, у Сакмарского района и на виду у всей Оренбургской области, не просто редка — скорее уникальна. И все мои дальнейшие размышления будут касаться как раз этой ситуации и собственно Чердинцева-младшего.

Григорию Чердинцеву сейчас двадцать пять лет. Плотный, подтянутый, со славной улыбкой. В положенное время окончил десять классов. Положенное время отслужил в армии.

сыну возможность повести огромную машину навстречу миллионам колосьев. Отец сидел напряженно и контролировал каждое движение сына.

Я не собираюсь стягивать белыми канатами очерковой логики те первые самостоятельные десять метров Чердинцева-младшего с сегодняшними тысячами его гектаров. С его высшим мастерством. Но простое, благодарное воспоминание каждого из нас о своем первом шаге, который ставил — или не ставил! — нас на равный уровень со взрослыми, живет, наверное, в памяти у всех. Конечно, мы не каждый день размышляем над важностью своего первого шага и тем более последнего. Но хотя бы иногда мы об этом думаем. Наверняка.

Чердинцев-старший нигде не выказывал своих потомственных надежд, но, конечно, хотел, чтобы Григорий тоже стал хлеборобом. Как он сам и как его отец — дед Гриши. Так

и получилось. Незаметно, по-крестьянски солидно. А потом однажды наступил вечер, который радостно обострил их жизнь.

Григорий — уже хороший, даже сильный механизатор — пришел домой, сел напротив отца за столом и сказал:

— Папа, ты первый, кому я сообщая новость: в нашем районе учрежден приз имени Чердинцева. То есть приз твоего имени. Его будут вручать каждую осень. После уборки — лучшему молодому комбайнеру. Так я его возьму. И буду держать.

Что должен был почувствовать отец в этот момент? Гордость, смешанную с легкой горечью, — посмотри, какой у тебя сын и как много лет на земле твоего имени. Его будут вручать каждую осень. После уборки — лучшему молодому комбайнеру. Так я его возьму. И буду держать.

Отец тоже улыбнулся в ответ на улыбку сына, кивнул головой и сказал одно только слово:

— Хорошо.

Всегда было и всегда будет важным наше знание тех путей, по которым человек приходит к собственным решениям, под влиянием каких примеров и обстоятельств совершает поступки, да и просто живет. Всегда было важным, и сегодня особенно, найти ответы на вопросы, почему один человек работает за троих, а другой не желает работать вообще. Почему один взрослеет в двадцать лет, а другой и в сорок как блаженный.

Интересно, почему один постоянно впереди, а другой постоянно замыкает список. И не менее важно знать, почему один бросается спасать трактор от огня, а другой стоит рядом и

не приходит на помощь даже тогда, когда гибнет уже не трактор, а человек.

Кажется, вопросы разные. А они близки. Это один вопрос — о нравственной сущности человека. О его понимании главных ценностей жизни. Но ответы, конечно, могут быть разные. Даже наверняка. Я, например, убежден, что жизнь молодого Чердинцева способна дать разъяснения этим противоречиям. Однако в нашем разговоре важен и совместный поиск ответов. В нем, правда, нежелательно участие тех, кто готовые формулы знает наперед. Формулы такие, как: люди ведут себя по-разному, потому что не одинаковы сами люди. Или: не стоит говорить о меньшинстве, когда миллионы таких, как отец и сын Чердинцевы, живут по высшим нравственным меркам.

Такие ответы, конечно, неубедительны. Они голы, как зимние ветки. В них нет объяснений, почему и сегодня зло уступает место добру только в сражении. Почему, даже потерпев поражение, не перестает угрожать победителям. Я разговаривал об этом с Чердинцевым-старшим и с Чердинцевым-младшим. Почему с отцом — надеюсь, понятно. Почему с сыном? Надеюсь, станет понятно.

Тут следует ответить вначале на важный вопрос: кто он, Григорий Чердинцев, сегодня? Кто может служить в его жизни уроком для других? Коротко на это можно было бы ответить так: Григорий живет без простоев. Это главное. Он живет сверхплотно и деятельно. Это и выделяет его среди многих его ровесников в Сакмаре и далеко за ней. И все же кто он в свои 25 лет? Анкетно отвечать, как всегда, легко, но в данном случае это еще и необходимо. В свои двадцать пять лет он: механизатор, коммунист, секретарь комитета комсомола колхоза, член бюро райкома комсомола, член

ЦК ВЛКСМ, студент-заочник Оренбургского сельскохозяйственного института, женат, имеет дочь... В свои двадцать пять он кавалер ордена Трудового Красного Знамени, Почетного знака ВЛКСМ, знака ЦК ВЛКСМ «Трудовая доблесть», награжден четырьмя Почетными грамотами ЦК ВЛКСМ, медалью за освоение целинных и залежных земель.

Как это связано с тем, что он делает изо дня в день в поле? Связано крепко, один к одному. Почести, как говорится, по заслугам. Десять лет из двадцати пяти Григорий хлебороб. Он был хлеборобом уже в свои пятнадцать, ибо участвовал в уборке хлеба вместе с отцом. Начиная со школьных лет, он увеличивает главные показатели своего труда. Он набирал высоту упорно и азартно. Но, я уверен, не бездумно, не с холодным расчетом иного покорителя далеких и близких вершин. Все проще и одухотворенней.

Григорий Чердинцев решил стать лучшим среди молодых механизаторов района и Оренбургской области в результате естественного ускорения профессионального роста — это так. Но вначале к нему пришла зрелость.

Зрелость приходит уже тогда, когда человек вдруг почувствует потребность ответить: кто я? От этого зависят его будущее, его жизнь.

Ответ этот нужен и самому человеку, и нам всем, обществу. Ибо если человек до солидного возраста не поймет, кто он, и что он может, и в чем он полезен, значит, урон нам всем — ведь это ясно.

Так вот, Григорий Чердинцев задал себе этот вопрос рано. И, вероятно, сильно, определенно, пусть не совсем осознанно, почувствовал необходимость самоутверждения. Человек должен утверждать себя среди людей. Снова, конечно, возникает вопрос: зачем? Вопрос возникает всегда позже

самой потребности приобрести авторитет в глазах ровесников, родителей, соседей. А вот как этот вес приобрести? С помощью чего? Каких шагов?

Тут в эти моменты действуют, к сожалению, многие силы и редко — законы прямых, ясных линий. Тут возможны всякие повороты. Но Григорий, по-моему, сразу и счастливо избрал правильный путь. Он почувствовал, что взрослым становится в работе. А работа, которую он, собственно, уже полюбил и принял как естественное и обязательное условие жизни, становится достойной целью. На пути к этой цели человек неизбежно должен был почувствовать разницу между понятиями «постоянно давать людям» и «постоянно брать у людей». И должен был — почти безусловно — ощутить, что сил у него прибавляется и что жить ему ради людей интересней, чем жить ради себя.

Отдавая всего себя труду, Григорий очень скоро и незаметно оказался втянутым во все более серьезные духовные сферы жизни, сферы общественные, которые потребовали от него новых знаний. Он рос не только как профессионал, мастер своего дела, но и как личность, как человек, небезразличный к делам других. Отсюда его активность, необходимость его участия в делах общественных и — без преувеличения — государственных. Его слово, совет приобретали вес. Это в его двадцать пять!

У нас было с ним много разговоров — и дома, и на его поле, у трактора.

— Григорий, — говорил я, — давай-ка попробуем выяснить, к чему ты в своей работе стремишься больше всего? Взять, выжать все из трактора, из машины, из земли? Ведь, чтобы быть первым, надо выжимать и выжимать?

— Главное в том, — отвечал Григорий, — что я и не собираюсь из машины все выжимать. И из земли тоже. Трактор и комбайн, а тем более земля не лимон... Выжимать надо себя... Да и то неправильно сказано... Я работаю в поле с удовольствием, и, если я не работаю по какой-то причине несколько дней, я чувствую большое беспокойство и усталость от сил внутри себя. Когда возвращаюсь в поле, равновесие восстанавливается... Мне приходилось, конечно, работать почти по суткам. Например, на севе — весна у нас короткая. Но я не чувствовал какой-то смертельной усталости. Устал, наоборот, приятно. В работе своей стремлюсь к одному: сделать ее хорошо. Даже если человек, мне кажется, работает в поле один на один, он должен трудиться так, как будто идет всесоюзный конкурс на лучшего мастера! Как будто вокруг трибуны, и тысячи болельщиков, и судьи...

— Ты занимаешь призовые места, — спросил я, — работаешь просто отчаянно, возглавляешь отряд лучших комбайнеров области, вызываешь на соревнование самых сильных ребят, а их у вас в области очень много, ради чего? Чтобы тебя все знали? Спать не дает честолюбие? Не можешь успокоиться, видя впереди чью-то спину? Извини, конечно, но первое место — это ведь не только почет, но и прямая материальная выгода?

Григорий дал мне договорить.

— Ты держишь приз обкома комсомола — переходящий флаг дважды Краснознаменного Балтийского флота (этот своеобразный приз учрежден благодаря шефской связи). Ты два года сражаешься за него, еле уходишь от «преследователей». А Василий Иванченко у тебя сидит прямо на хвосте. Так тебе мало ровесников. Ты решил взяться за отца...

— Я решил взять приз имени от-

ца, — поправил Григорий, — а не за отца. Хотя помериться силами пришлось время.

— Понятно. Но у меня не все. Мне бы хотелось знать: каким ты выходишь из соревнования? Что остается после борьбы? И мог бы ты вдруг вообще отказаться от такого ритма жизни? От этого фанатичного ударничества?

Его ответы и рассуждения выглядели так: «Первые, призовые места, которых я достиг, не дают мне успокоиться. (А не наоборот!) Я чувствую радость и, конечно, доволен, что меня многие знают, потому что я сегодня побил чью-то рекорды. Если бы мне вручили приз ни за что, если бы просто произвели в призеры, поставили на первое место, меня бы это не могло радовать. Да и кого могло бы? А так я знаю, мой приз мною заработан... Работа, которую я сделал лучше других, принесет больше пользы колхозу. Вообще людям... Вот почему я не могу успокоиваться. Мне нужно, чтобы самую большую пользу приносил я. Конечно, любой другой человек, с которым мы соревнуемся, ну вот, например, Вася Иванченко не может спокойно жить, пока флаг у меня, но чем больше мы будем ревновать этот флаг друг к другу, соперничать, тем больше пользы будет другим. Мы ведь не по тарелкам стреляем. Наше соревнование прибавляет людям хлеба».

О соревновании на приз отца Григорий сказал:

— Было бы просто неправильно, если бы я, сын Чердинцева, допустил бы непоправимую для себя оплошность — не бросился в бой за приз имени отца! Этот приз только у меня, Чердинцева, и должен быть. В нашем районе и в области мои друзья, с которыми я соревнуюсь, мне тоже говорили при встречах: «Гриша, умри, но приз Макаровича возьми!» И я начал

«умирать», как говорится, чтобы жить.

Каким выхожу на соревнования? Я об этом никогда не думал. Но я знаю одно: если бы каждое новое соревнование за первое место приносило мне только неудачи, я повторял бы попытки стать первым.

Я был бы не мог отказаться от ударничества, не мог ни с кем не мериться силами, — продолжал Григорий. — Это было бы непонятно зачем. Но я не фанатично работаю в поле. Как я понимаю, фанатично — это почти слепо, бездумно. Голая жертвенность, мне кажется, вообще не имеет объяснений. Особенно сейчас, в наши дни.

Григорий говорил мне: «Я, честно скажу, гордился, когда услышал о себе слова: «Чердинцев состоялся».

Но тут же добавлял: «Если я и состоялся, то благодаря людям, которые мне в этом помогли. Я и сегодня учусь не только на агрономическом факультете вуза, но и у каждого из своих друзей, с которыми пашу, сею, выбираю. Учусь у односельчан Якова Семеновича Белова, Александра Болдырева, Владимира Ивановича Рыкова, у других. Но мой главный учитель — отец».

Я привожу слова и мысли Григория, чтобы было понятно главное: он не современный супермен-механизатор — захотел и к двадцати пяти годам обошел всех, познакомился с соперников лавровые венки и не видит себе уже равных и шагает без сомнений и усилий по жизни. Он, конечно, действительно нов по всем статьям: опрятен, подтянут, современно одет, умеет держаться не только на людях, но и среди людей, что не одно и то же, великоленно водит легкой автоматом, ценит свободную минуту. Но это лишь внешние ощущения, и, кстати, очень приятные. Важнее, однако, другое. У него существует собственное, ясное, умное, коммунистическое объ-

яснение целей ударничества, соревнования. Оно, это понимание, исключает легкость в подходе к собственным поступкам и к своему труду.

Он не ради спортивного интереса лихо берет подъемы на жизненном пути. Он ценит не результат в его, так сказать, официально-цифровом выражении, а реальную пользу, которую результат этот приносит людям. Вот что важно.

Вся его борьба за призовые места в личном плане тоже имеет важную особенность. Она позволяет ему обрести ценности, которые становятся главными и современными в лучшем смысле слова, — духовные ценности. Его стиль жизни пробуждает в нем потребность жить интересно и активно. Это очень важная взаимосвязь — ударный осознанный труд и обогащение, раскрытие личности человека. По-настоящему самоотверженный труд не угнетает личности. Наоборот!

Натура Григория формировалась не в застекленных теплицах. Мне важно это подчеркнуть особо — счастливым творческим состоянием беспокойства Григорий Чердинцев обязан людям, живущим рядом.

Они, а еще в большей степени их деды, ощущали великие стимулы самоутверждения в первые годы существования Страны Советов, когда народ самоутверждался на виду у всего мира, когда самоутверждение труда было вопросом свободной жизни или смерти. И с годами соревнование со всем миром, соревнование как сущность нового, свободного труда на ниве и в цехе становилось духовной потребностью рабочего человека. Потребностью! Вот откуда по линиям жизни всех последующих поколений — вплоть до поколения Гриши Чердинцева — струится прекрасная жажда соперничества ради общей победы, а правильнее — ради общего дела!

И как же мы должны быть беспо-

щадны к делягам, демагогам, формалистам, скачущим по радиофицированным трибунам, холодно и расчетливо манипулирующим цифрами соревнования. И как должны быть озачены, когда что-то не срабатывает, когда кто-то — и не один! — начисто выпадает из ритма нашего напряженного, сложного времени. И когда возникает ситуация, при которой один работает за троих и ставит для себя новые и новые вершины, намечает новые рекорды, а другой не желает работать вообще.

Григорий живет на земле. И ему не чуждо все земное. И ему по неким ходовым сюжетам, известным нам всем, та же угрожала опасность: он рос в полном достатке, в ухоженном доме, у отца «Волга», город рядом, соблазнов много. Но он не собирался быть наследником сберегательной книжки отца. Он наследовал рабочую сущность отца, его трудовой образ жизни. И заработал свой дом сам — колхоз дал ему за труды отличную квартиру в новом двухэтажном доме. У него, механизатора, так же как и у отца, на квартире телефон. Он заработал свою машину — «Жигули» — сам. И у него, у Гриши, дом — полная чаша. И награды он сам зарабатывал.

Я здесь, кстати, хочу ввести в свой рассказ дополнительную и важную информацию. Сын Василия Макаровича и Аграфены Ивановны Григорий не был единственным ребенком в семье, которому отдавалось все внимание. Ему уделялось не больше, чем остальным. А их у Чердинцевых пятеро. И, посмотрите, все при земле, все при хлебе!

Его главный день — день спелого колоса. Этот день и час всегда наступают неожиданно, хотя их ждут, как восхода солнца, и пропустить не могут. Пахарь встречается со зрелым колосом! Они встречаются уже боль-

ше сорока столетий, из года в год, а встречи эти не приедаются, как не приедается сам хлеб, — такое постоянство.

Поле, на которое выходит Гриша, — миллионная часть хлебного клина Отчизны. Но то, что здесь будет во время уборки происходить, важно как раз для всего клина...

В трудном хлебном круговороте все нерасторжимо связано. Все здесь взаимозависимо, во всем присутствует вечное золото гармонии. Связано все: земля и человек, усилия человека и состояние его совести. И хотя о хлебе, как и о жизни, известно, в сущности, все, мы возвращаемся к хлебной ниве именно потому, что на ней трудится человек. И от его труда зависит, выходит, судьба всех. Благосостояние всего народа зависит от того, как будет трудиться Григорий Чердинцев. Ясно? Ясно. Но главное заключается в том, что это ясно самому Грише.

А теперь о солнечном дне осени, когда опустели поля и облетели деревья вдоль тихой красивой реки Сакмары. О дне, когда весь сельский народ собрался в районном Доме культуры.

В президиуме сидели самые авторитетные люди. Сидел среди них и Чердинцев-старший. И вот перед ним, перед всеми, кто был в зале, объявили: приз Героя Социалистического Труда Василия Макаровича Чердинцева завоевал в соревновании молодых комбайнеров Григорий Чердинцев. Григория пригласили на сцену и вручили приз... Отец что-то хотел сказать, и сын что-то хотел сказать, но ничего сказать не смогли. Гриша держал двумя руками врученный ему приз и смотрел на приз, на его стелу и на маленькую фотографию отца, а потом — на отца за столом президиума, и их обоих спасло лишь то, что кто-то из них все-таки что-то сказал — доброе и толковое, и спасли ап-

лодисменты, которые бились волнами о сердце Макаровича и сердце Гриши, а главным образом их выручило то, что у них, у мужчин, была, есть и всегда сохраняется в горькие и счастливые минуты прочная, мужская сдержанность чувств. Не в пример их милой помощнице — матери и жене Аграфене Ивановне.

...Он дважды завоевывал приз отца. Две осени подряд. И готовится к борьбе снова.

Теперь — выводы.

Мне не раз и не два приходилось говорить о поступках молодых героев, оказавшихся участниками драматических происшествий. Всякий раз передо мной возникали сомнения: что можно назвать подвигом, а что — решительным, смелым поступком? Каждый раз сомнения разрешались по-разному. Бесспорными, однако, были те случаи, когда человек отдавал свою жизнь за жизнь незнакомых ему людей. Человек погибал и уносил с собой истину — свое мироощущение, свое понимание благородства и самой жизни.

Ну а если человека миновало ослепительное испытание, как, например, Григория Чердинцева, человека с удивительно ровной, удачливой, прямо скажем, счастливой жизнью? Если он не летел в самолете, в котором летели убийцы, и ему не пришлось закрывать собой пассажиров от пуль? Если человек не шел сквозь кровавую гарь войны? И если не нес почетную вахту у памятника погибшим советским воинам в тот момент, когда молодые подонки — сыновья подонков — взяли часового на мушку? И если ему не случилось оказаться в тракторе, который внезапно вспыхнул и мог поджечь все поле, весь хлеб? Если не пришлось? Если миновало? Но человек всю свою сознательную жизнь трудился изо всех сил до счастливой, огромной усталости — на поле, в ка-

бинете, в цехе, в космическом корабле, работал на благо людей, ради людей, во имя людей? Тогда как? Можно ли его жизнь назвать подвигом? Или, по крайней мере, трудовые вершины его жизни можно назвать подвигом? Или это будет натяжкой? Неточностью?

Каждое время имеет свой час «пик», свои критерии в оценках человеческих поступков, вообще образа жизни человека: его мыслей, намерений, действий.

Война — высшее испытание. Подвиг на войне — это умение первым оторвать руки от бруствера и сделать шаг навстречу свинцу. И теперь весь народ их знает — первых. И мертвых. И живых.

В наше время, когда над всей нашей землей небо такое, каким оно и должно быть, в наше время тоже есть свои критерии испытаний. Сегодня, конечно, кто-то может усомниться: еще неизвестно, кто как поведет себя в огне, кто станет героем, а кто так и не оторвет рук от бруствера. Такого рода размышления допустимы. Но нельзя забывать о конкретности времени, в котором человек живет и действует. Каждый из нас уже сегодня, а не в далеком будущем, находится в центре испытаний. Они уже идут! И моя мысль в данном случае такова: если во фронтовое время подвиги становились нормой, то в наше время, мирное время, то, как живет и действует Чердинцев, тоже должно стать нормой. Для каждого, без исключения. Без дезертирства перед своим временем. Никто, на мой взгляд, не готов так стойко выдерживать внезапные испытания судьбы и поступить героически в любой горький для отдельного человека или всей Отчизны миг, как тот, кто живет во имя людей. Происходило и происходит главное: человек забывает о себе, не думает о себе, а думает о других!

Я уверен, что через много лет, когда обратятся к нашим дням, именно в таких людях, как Григорий Чердинцев, увидят документальное содержание того, что мы называем сегодня подвигом.

Надо пролететь над городами и поселками, над пустыней и лесами, потому нужно плыть на теплоходе, и, когда судно из всех ночных звезд выберет одну и повернет к ней — это будет конец пути: судно пойдет на свет маяка.

Имя его смотрителя Маркелов. Маркелов Борис Акимович.

Маяк расположен в безлюдном месте. На востоке — пустыня. На западе, до самого горизонта, — Каспийское море.

Трудно проследить траектории здешних ветров. Но очень часто они приносят к маяку миллионы ракушек с берега. Ракушки, как маленькие древние божки, появляются по ночам. Они образуют целые сугробы. Тогда нужно брать лопату и расчищать от них маячный двор. С этого, собственно, и начинается день Маркелова.

Потом забот хватает до самого вечера.

Солнце поднимается над морем и освещает путь всем, кто плывет мимо бухты или заходит в нее. За дневное время Борис Акимович спокоен. На солнце можно положиться полностью: как-никак самый яркий маяк. А для него, смотрителя, дневное время суток самое хлопотное. Днем он готовит свой свет к ночи.

Нужно проверить линзы, проверить сигнализацию, проверить лампы. Нужно все просмотреть и подправить. Вверх-вниз по крутой, узкой лестнице много раз в день. Вверх-вниз. А высота маяка немалая. С верхней башни видно очень далеко вокруг. Виден весь простор мира. Но простор этот пуст, если в нем нет ни одного движу-

щегося судна. Простор не радуется сам по себе.

Однажды к Маркелову приплыл погостить старый отец. Он был матросом, много лет провел на воде, теперь жил на берегу, в Астрахани. Они разговорились, и седой боцман сказал сыну:

— Я всю жизнь плавал по морю. Вся жизнь, как тебе известно. Бывало, идем ночью — ни огонька в темноте. На душе тяжело, что-то давит, жмет. Зато, когда луч маяка показался, — настроение как в праздник: радуемся, смеемся. И за настроением я ни разу в жизни не подумал, что этот свет для нас зажигает какой-то человек. Знал, конечно, но не думал. И не думал, что сын станет смотрителем маяка.

И не думал, — закончил боцман, — что сын сам начнет зажигать этот свет.

Они помолчали, и Борис Маркелов ответил:

— А смотритель о каждом подумает. Увидит, что луч его путь кому-то указал, и перестанет волноваться. Успокоится, начнет гадать: «Кто идет? Откуда? С чем на борту?».

— Почему? — спросил отец.

— Потому что он один. Вокруг никого нет, он один.

Отец снова помолчал, проговорил:

— Хорошо у тебя здесь. Чисто, и во всем порядок.

Когда солнце зашло за зеленые волны, сын решил сделать отцу подарок: уступил ему свое место.

Старый боцман с трудом поднялся на башню маяка, с неподдельным волнением переспросил:

— Значит, можно самому?

— Давай, — сказал сын, — можно. Вспыхнул луч, улетел в море.

Боцман не ушел с башни, пока не увидел со стороны то, что делал всю жизнь сам: далеко в темноте развернулся и пошел на его луч далекий огонек. Боцман закурил папиросу, папи-